

*Общеобразовательная школа
с углубленным изучением немецкого языка №1269
г.Москва*

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих работ учеников и выпускников школы
по мотивам произведений русской классики*

выпуск 8

2013 г.

*Альманах «Вдохновение»
(выпуск 8)*

*включает творческие работы учеников и выпускников школы
по мотивам произведений русской классики*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева
учитель русского языка и литературы
Заслуженный учитель России*

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.

А.С.Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир ВДОХНОВЕННОЙ личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*Арефьева Эльвира Александровна,
Заслуженный учитель России*

ПО СТРАНИЦАМ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

НАЧАЛО ПОХОДА

Ой, не начать ли нам, братья,
Словами старыми, позабытыми
Повесть грустную, повесть слезную
О делах старинных, да памятных?

А начаться этой песне не от гуслей Бояновых,
А от правды нынешней, правды горестной...
Гусли старые, деревянные, молодеют, словно
В руках Бояна вещего,
И слагают песнь великим русичам:
 Ярославу старому,
 Мстиславу храброму
 Да Роману Святославичу прекрасному.
Повесть та идет от Владимира старого, мудрого,
До Игоря Святославича Нынешнего,
Что за честь земли родной
Повел своих людей ратных
На землю Половецкую
За землю Русскую.

И поднял Игорь очи свои, очи карие,
Взглянул на красное солнышко,
Вместо солнца жаркого
Русь увидел любимую,
Тьмой кромешной покрытую.

И вскричал тогда буйный Игорь-князь:
– Лучше в землю пасть, чем в полон попасть!
Так седлайте же, русичи, лихих коней!
Посмотрим хотя бы на Великий Дон!
И еще вскричал: Братья, русичи!
И копьё свое обломаю о поле поганое
И сложу головушку свою русую
Только с вами, храбрые русичи!

А вороги лютые-половцы,
Побежали навстречу русичам
Половецкие телеги в полуночи,
Кричат словно звери подраненные
Игорь за ними к Дону идет.

А на деревьях птицы беду стерегут,
Волки по оврагам, как тати лесные, воют,
Орлы в темноте добычу стерегут
Зори кровавые беду предвещают.

Утро наступает.
Скоро рассвет.
Ветер свистом соловьев разгоняет
Да воронье черное скликает.
Русичи щитами поля заставили
Ища себе чести, а князю славы.

И побили они, разогнали они
Половцев поганые туманы.
Разбежались по полю куницами.
Взяли в плен жен половецких
Славу поют русичи князю Игорю,
Да товарищам своим, побитым, пораненным...

Павел Жуков

ОБРАЩЕНИЕ К КНЯЗЬЯМ

Князья русские, вставайте
На борьбу с врагами!
Землю русскую не дайте
Им топтать ногами!

Уходит время безвозвратно,
Прошли Трояна времена,
Когда житье было приятным
И воин не было когда.

Прошли уж годы Ярослава,
Олега отошла вражда,
Которую он из-за славы
Мечом посеял навсегда.

О жажды славы,
Сколько горя ты учинила на Руси!
Придумав смертные забавы,
Ты Русь совсем не загуби!

В те времена Олега злые,
Когда раздоры начались,
Князья — солдаты удалые;
Между собой за власть дрались.

А уж не хлебом, не пшеницей
Покрыты русские поля,
А кровью воинов прекрасных
Залита русская земля.

Но о такой великой рати,
Что против Игоря была,
Не знали люди боевые
В былые даже времена.

Три дня летят калены стрелы
На славны Игоря полки,
И пораженья горьки зерна
Несчастьем для Руси взошли.

На третий день уж пали стяги,
Борьба окончена была,
Но русичи — пример отваги -
За Русь стояли до конца.

И наступило время грусти,
Годы обилия прошли,
Князя родимую сторонку
От ворогов не сберегли.

Они не бьются против ханов,
Они с друг другом, как враги.
Брат с братом вместо битвы славной
Деленьем заняты земли.

Тля мчится, на горе людям,
По славной русской стороне.
И жены русские все плачут,
По мужикам, что в кабале.

И Киев стонет и Чернигов,
Тоска по русской всей земле,
Когда ж поднимутся князья
И войско соберут к себе?!

В плену наш Игорь — славный князь,
Не время для вражды.
Князья, нужна в подмогу рать,
Нужны в союзе Вы.

Седлайте Вы скорей коней,
Друг с другом хватит враждовать,
Сбирайте всех своих людей,
Зовет Отчизна-мать!

Мария Кравец

СМУТНЫЙ СОН СВЯТОСЛАВА

Святослава смутен сон,
Ночь на землю тяжело пала.
Тьмой укрытый, видит он
Черное, как темень, покрывало.

Ковш с вином и горем пополам...
Жемчуг сыплется из вражьего колчана,
Вороны, как тени, по углам
Затаились, чтоб умчаться утром рано.

Этот сон бояре так толкуют:
Ум твой, князь, тревогою пленен,
Страх и смута над душой мудруют,
В явь узор тоски вплетен.

А душа прозрела смертну явь:
Как над полем в лет врагом подбиты
Пали соколы, Олег и Святослав,
И железом накрепко обвиты.

В битве страшной рать не устояла
И затмилось солнце над землею,
И течет кровавая Каяла
По траве багряною зарею.

Галина Шейкина

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

На голубом Дунае Ярославнин голос слышится,
Ранним утром одиноко кличет она:

Полечу куколкою по реке Дунаю,
Обмочу в Каяле рукав шелковый,
Утру князя раны кровавые
На теле его израненном.

Рано плачет Ярославна,
Очи к небу направив,
В Путивле на стене причитаючи:

О ветер, ветрило!
Могучий поток в небесах!
Зачем веешь ты навстречу русским полкам?
Зачем несешь стрелы половцев
На воинов мужа моего Игоря?
Разве мало тебе в небесной вышине,
Чтобы разгуляться там в полной силе твоей?
Разве мало кораблей подчинены власти твоей?

Зачем же ты радости меня лишил,
Веселье мое по ковылю развеял?

Рано плачет Ярославна в Путивле-городе
На стене причитаючи,
Дальнюю реку Днепр моля о помощи:

О, Днепр-Славутич! Река славная.
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю половецкую
На твоих волнах могучих
Святослава до стана Кобякова домчались.
Принеси же ты ко мне моего милого,
Чтоб не убивалась я по нем раньше времени.

Рано плачет Ярославна в Путивле
На стене причитаючи:

О, светлое, трижды светлое солнце-батюшка!
Для всех несешь ты тепло жаркое.
Зачем же ты направило лучи свои жгучие
На воинов моего милого?
В поле жаждой их томились,
Горем колчаны переполнило.

Рано плачет Ярославна в Путивле на стене,
Рвется на части от печали и горя
Сердце ее.

Ольга Егорова

После прочтения «ГОРЕ ОТ УМА» А.Грибоедова

Я Вас покинул в то мгновенье,
Когда, презрев, без пелены
Сдержать не мог я оскорбленья
И неприятия толпы.

И вот теперь уже в изгнанье.
Мне представляется порой:
Сбылось заветное желанье.
Вы стали прежнею, другой.

Той Софьей, что знавал я с детства,
С которой часто так играл,
Что мне знакомо с малолетства,
Что выше всех была похвал.

Той Софьей, что чинов не знала,
Какой наивною была,
Романов глупых не читала,
Интрижек жалких не вела.

Такой я Вас хотел бы помнить,
Но это только лишь мечты.
Ничто не может мне восполнить
В разбитом сердце пустоты.

Теперь живу я в деревушке,
Утеху в книгах нахожу,
Мечтаю, лежа на опушке,
В раздумьях по полям брожу.

А Вы, как Вы теперь живете,
Хотел бы я у Вас узнать?
Что, песни под рояль поете,
Или роман у Вас опять?

А коль роман, тогда скажите,
Кто Ваш избранник? Скалозуб?
Что кроме как в военном быте
Ни в чем другом ногой не в зуб?

Или такой же, как Молчалин,
«Достойный, скромный» человек,
Не раскусив кого в начале
Жалеть Вы будете весь век?

А как отец Ваш поживает?
Не изменил ли дум своих?
Кого теперь он приглашает,
Все тех же, иль уже других?

Вас видит, верно, он в мечтаньях
Графиней, на худой конец?
В дугу согнется сам в стараньях,
Чтоб было Вам с кем под венец.

Слугу чьего-нибудь похвалит,
Чтобы хозяйке угодить.
Не глядя, росчерк свой поставит,
Чтоб муженька Вам раздобыть.

Какой он будет? Верно, знатный
И с состоянием за душой,
Лицом, быть может, неприятный,
Но чин, наверное большой.

И не такой уж как Молчалин.
Да, кстати, как-то он теперь?
Про встречи с ним Вы промолчали,
Иль все же выгнали за дверь?

Опять Вы скажете, конечно,
Что всех я высмеять хочу.
Там, где не нужно, весел вечно,
А там, где надо, промолчу.

Увы! Я не хочу, поверьте,
Нескромным перед Вами быть!
Лишь об одном прошу — ответьте!
Не дайте Вас легко забыть!

А впрочем, пусть не беспокоит
Вас этот маленький листок.
Не надо отвечать, не стоит,
Ведь к вам я больше не ездок.

Федор Коновалов

Я Вас любил, как любят только раз,
Вы были для меня тем воплощеньем чуда,
Что радует наш слух, ласкает глаз,
Что можно жизнь искать повсюду.

И не найти. Слепой глупец!
Как мог так сильно заблуждаться
Я в Вас! Естественный конец.
Кто может перед Вами унижаться,

Тот Вам милей поболее всех других!
О, помню, как гонителей моих
Словами злыми Вы поощряли,
И ни одной обиды не прощали,

Которые в пылу любви Молчалину нанес!
О, сколько по нему пролили слез,
Как убивались Вы из-за его коварства,
А сами!

Безумным Вы меня оклеветали,
Я ж восхищался, трепетал пред Вами!
Скажите может, Вы жестокими словами
Отказа своего боялись оскорбить?

Я знаю, Вы хотели отомстить
За то, что я чужой обычаем и нравам,
Которые смогли в Вас с детства воспитать,
Но неужели Вы не могли сказать,

Что не любил? Зачем же лгать?
Увы, Я Вас не понимаю,
Я силюсь — не могу понять.
И в этом — вся Москва.
Кругом обман и ложь,
Погоня за деньгами и чинами
И раболепство перед кучкою вельмож
С невидящими, тусклыми глазами.

С пустым умом и полным кошельком,
Со связями и знанием этикета.
Какие-то уроды с того света!
Я там страдал! Из-за кого! По ком!

Нет, Софья Павловна, Вы больше не звезда,
Которая вела меня в скитаньях.
Забудьте обо всем, забудьте навсегда,
Что толку Вам в моих признаньях!

И выкиньте письмо — смешон мой слог дурацкий.
Прощайте навсегда. Уже не Ваш.

А. Чацкий.

Алиса Педашенко

Как выдумали Вы себе любовь,
Теперь я понимаю очень ясно:
Ах, в молодости все волнует кровь
Мечтанья настигают ежечасно.

Отец Ваш прав: виной — Кузнецкий мост,
Кузнецкий мост, и вечные французы:
Ведь я Вам показался слишком прост,
Моя любовь была для Вас обузой.

Романы, милый друг, читать с умом
Вам научиться надо было сразу...
На что Вам чтение? Ведь Ваш родимый дом
Не вытерпит французскую заразу!

И я хорош: точь-в-точь, как Ваш герой:
Сплошные выдумки, мечтания и грезы!
Я думал лишь о Вас, спеша домой:
Москва, любовь, и родина, и слезы!

И Вы — мечта, и Вы — в мечтах, мой друг!
Пора остепениться нам обоим.
Вам надобно создать семейный круг,
А мне пора стать истинным героем.

Не Вашего романа, не мечты -
Пора мне пользу приносить собратьям,
Вдохнуть желанье правды, красоты
В жизнь тех, кто истинно достоин счастья.

Николай Шаховской

Софи, пишу я впопыхах...
Что слышу?! Боже, правда ль это!
Вы тайно обручились! Ах!
И от всего скрывали света!

О, все я поняла!! Чтобы нескромный взгляд
Не обнаружил тайны вашей,
Насмешек ты обрушила град,
Любезного черня перед папашей...

Но как же деспот этот бессердечный
Сумел Вас разгадать?
Увы, теперь разлуки вечной
С любимым вам не миновать!

Ужели с этих пор в жестоком заточенье
Заставит пребывать тебя тиран?
Да это ж прямо приключенье!
Какая прелесть! Вот роман!

Точь-в-точь, как Лейла молодая
В романе, (как его зовут),
Которую всечасно истезая,
Злодей хотел сгубить, неумолим и лют!

Ты помнишь ли, как ввергнутая в цепи,
Прощаясь с жизнью навсегда,
Несчастливая в ужасном склепе
Своим героем спасена.

Мужайся же и ты: я слышала, что Чацкий
Отвагой, верностью любого превзойдет
(Об этом говорят все у Адель Завацкой)
Надейся же и верь, и он тебя спасет.

О, сколь полна сочувствия к тебе я!
Ведь участь и моя не менее горька.
Родители мои не меньшие злодеи:
Лишь в месяц раз балы! Представь, что за тоска!

Я всей душой с тобой, поверь мне, друг сердечный!
Но маменька моя, когда ее бы власть,
Старинный бы уклад оставила бы вечно,
И за скандал считает нежну страсть.

Она мне не велит теперь с тобою зняться.
Твердит, что никогда к вам больше на порог...
Прощай навек, мой друг! Велит расстаться
Неумолимый рок...

Шаховская Елизавета

Читая НИКОЛАЯ НЕКРАСОВА

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную
Худы ль твои семена?

Робок ли сердцем ты? Слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!

Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

Нет, не пропали вы, живы поныне!
И от села до села проходя,
Здесь ли, то там ли, положите зернышко,
Знанья до них донося.

И через день колосющийся стебель
Скажет крестьянин, бредущий домой,
Срежет и скажет:

Спасибо вам, странники
И поспешит той дорогой домой.
Так оставляя село за селом. Вы продолжаете род свой
Крестьянами!
Теми, кто знает про горечь труда,
Теми, кто знает, что каждое зернышко,
Полито потом труда.

Павел Лядышев

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали
Один я умираю и молчу.
(Н.Некрасов)

Устал страдать и ненавидеть, Муза!
Ведь мне еще труднее от того!
На сердце на моем тяжелая обуза,
И не проснуться вновь всем радостям его.

И бесполезны все мои роптанья
Я чувствую — и замолчу теперь.
Нет, не увидеть мне злодеев покаянья,
Конец, я закрываю злобы дверь.

Ирина Моргуновская

Я сказал — а ты снова сердита
Ну и что? Гнев любви не помеха,
И хоть ты говоришь: эта тема избита,
В ней же — главная наша утеха.

Мое слово сейчас — словно спичка,
Зажигаю — ты вспыхнула сразу.
Я тебе говорю, что ты истеричка,
Ты в ответ: Где посеял свой разум?

Что такое? Ты снова кричишь?
Боже мой, опять стулья летают,
Может, ты хоть чуть-чуть помолчишь?
Бесполезно, - сейчас ты в ударе.

Ну теперь уж завелся и я -
Был я добр и хотел успокоить.
И, пусть бог мне свидетель, судья,
Нет ужасней, чем с женщиной спорить!

Алиса Педашенко

СЕРЕБРЯНЫМ ВЕКОМ НАВЕЯННЫЕ СТРОКИ

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиной
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

Анна Ахматова, 1911

Ты опять пришла, бездельница?
Не устала ли скучать?
Здесь давно уж нету мельницы,
Так что можешь не молчать.

От засохшей повилики-то
Улетела уж пчела.
У русалки дочка выросла
И семейку завела.

Не ищи пруда, бездельница.
Высох он назад лет пять,
А осина-то — отшельница -
Пень, что стал уж загнивать.

Здесь уже давно все старое
Облетели тополя.
Ты зачем пришла незваная?
Иль звала тебя земля?

Ирина Мишина

И будешь ты злиться, как я сейчас злюсь,
Сполна все заплатишь, свое проликуя -
В одной колыбели спят Радость и Грусть,
Одну позовешь — разбудишь другую.

А завтра спокойствие одолжит мне твердь:
Не дам ни улыбки, ни слова, ни звука -
Уж всласть посмеюсь, моя белая Смерть,
Когда твоя по мою пойдет руку.

Сколь лилий прекрасней букет из сныти
Познал я в холодном бреду -
День и ночью ища конец твоей нити,
Будь покойна, его я найду.

Вячеслав Решетников

ПО ИВАНУ БУНИНУ

...Свет, закованный в ночь, необычно грустью отмечен,
Ожиданье в глазах, устремивших свой взгляд на Восток,
Все так просто, любовь в самом деле живет бесконечно,
Это люди уходят, в назначенный ими же срок.
Но с момента падения горячей звезды в ладони,
Начинается путь через горы обид и печаль,
А кончается он либо в муках предсмертных агоний.
Либо в городе, где грязь превратившем в хрусталь.

Наши дни и к болезням и к бедам безразличны,
Слишком много желающих выжить на этой войне,
Но хоть я не люблю этот свет, только все же обычно
Так заходится сердце от радости, чуя рассвет,
Но когда лучший друг погибает, устав от бессилья,
А любимая девушка плачет навзрыд от тоски,
Я плюю в это солнце, что утром встает над Россией,
И в тумане горя, сединой обжигает виски.

Кто сказал, будто время излечит все раны и беды,
Так, что даже потом отыскать не сумеете швов,
Наше время стирает из памяти только победы,
И смывает с булатных ножей ярко-красную кровь.
Не попишешь картин беспросветною черною краской,
Я, конечно, не прав, но обидно до боли, хоть плачь,
Два различных лица под одной благородною маской:
Сумасшедшая фея и умный жестокий палач...

Павел Жуков

По ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Поэзия — другое дело,
Здесь мой талант, душа и ум.
И все в ней безупречно, смело,
Как выражение моих дум.

Громаден мой талант — Я ГЕНИЙ!
И кто меня не любит, тот,
Скажу без капельки сомнений,
Тупица, бездарь, идиот.

КРИТИКАМ

Как много критиков у нас
От Голланда до милой Нарвы.
Зря истощают свой запас,
Ругательств изрекая прорвы.

Мне их оценки ни к чему.
Я сам себе прекрасный критик
Они все свиньи, почему
Я должен слушать свиньи крики?

НА ЛЫЖАХ

Вот соловей на лыжах едет,
Махая крыльями двумя,
(Он лыжами как дамой бредит)
И лыжей хлопает плашмя.

ДЯТЕЛ

Я — дятел, птичка без тенденций
И без особой глубины,
Стучу себе, моих сентенций
Вам не понять в пору весны.

Я — дятел, так на что мне критик?
Стучать умею я и сам.
Ищи, свинья, услад в корыте,
Моим стихам не нужен срам.

Я — дятел, что же, кроме стука,
Нет пользы от меня иной,
Я так старался, хвост — порука,
Но сук сломался подо мной.

Николай Соболев

ПО СТРАНИЦАМ РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

ИХ ВОСКРЕСИЛА ЛЮБОВЬ

Стоишь ты, преклонив колени,
Сложил ты руки на груди
И молишь бога о прощеньи
Грехов на жизненном пути.
Слеза-кристалл твоей души
Летит, блестит, с ресниц спускаясь,
Слеза, как крик во тьме, в глуши,
А ты стоишь сегодня, каясь.

Простит ли Бог тебя?
О, да. Он милостив и милосерден,
А ты приложишь ли усердье,
Чтоб жить, страдая и любя?

Вера Полякова

СВЕЧА

Оплавляется мерно свеча
Капли воска падают вниз.
Эти капли дни — дни твоей жизни.
А свеча это ты. Спасись.

От крошечной тьмы и пороков.
У тебя ведь есть огонь.
И стремись к жизни тех пророков,
Чью чрез годы ощущаешь ладонь.

Ты случайно можешь погаснуть.
Тебя может порок потушить.
Так гори ярким пламенем света,
Чтоб другим путь сквозь тьму озарить.

Когда тысячи свечей, как в храме
Ярким светом вдруг запоют,
Будет Бог наш доволен нами.
Души жизни у всех расцветут.

Как во Вселенной звезды блистают,
Станут наши души сверкать.
Разрывая тьму, все растают...
Но воскреснет Божия мать.

И спасется наш бранный мир.
И свободны станут народы.
Нескончаемый праздничный пир
Будет в жизни нашей природы.

Но свеча есть лишь у того,
Кто живет для других и для друга.
Тот, кто страшен душой, некрасив,
Тот никто. Тому будет туго.

Андрей Краснов

РУССКИЙ ХРАМ

Голубое утро. Твердая земля.
Душу наполняет свежесть января.
Ветви у деревьев тонкие как руки
Мягкий легкий шорох. Утренние звуки.

Небо без начала, радость без конца.
Я стою у храма — Божьего венца.
Главы смотрят в небо, и кресты блестят.
Ими истребляют злой греховный яд.

По ступеням люди тихо входят в храм.
Бог их не осудит внемлет их словам.
И молитва наша улетает ввысь.
Бог простит, и смогут люди все спастись.

Голубое утро. Храма силуэт.
Я стою и вижу, вижу Божий свет...

Андрей Краснов

Бог покарал нас, отняв ум и душу,
И ближнего не вразумев,
Нас душат наши праздные успехи,
Мы мечемся совсем обезумев.
Нет человека самого, лишь вереницы,
Тупые, глупые, озлобленные лица,
Протянутые руки, сотни рук
Манят, зовут, чего-то просят.

Когда же бросят им кусок?
Когда, когда же бросят?
Мы опустились на дно,
Во тьму безумья и ночи.
И нет там праведной свечи,
И кто ее зажжет?
Бог покарал нас, отняв ум и душу,
И кары нет сильней.

Вера Полякова

ЗОВ ЗЕМЛИ

Если бы земля могла говорить... это были бы не слова, а стон, скрежет зубами от боли и обиды, что единственного человека, который любил, понимал, лелеял землю, оторвали от нее как ребенка от груди матери, вырвали, как дерево с корнями, не оставив и следа. И осталась земля наедине с врагом, не чувствующим живое под собой, не видящим ничего, кроме своей цели. И топчет чудище своими кованными сапогами чернозем, не зная, что этим роет себе могилу... И сквозь этот механически-равномерный топот еле слышатся слова земли: Люди остановитесь! Верните Человека, Хозяина! Не убивайте Жизнь! Истратив последнюю энергию на этот крик земля начала ссыхаться, умирать...

... Но может еще не все потеряно?

Юрий Ивашин

Если бы земля могла говорить
Она б в слезах задыхалась.
Если б земля могла говорить,
То все бы внутри сжималось,

Рыдая, роняя кровавые слезы...
О, строки кровавой, живой прозы!
Шрамы от пашки земельной войны,
Шрамы на сердце родной Земли.

И стоишь одна-одинешенька
На краю звездной вселенной,
Одинокая, всеми забытая,
Наша мученица убитая.

Вера Полякова

ПЛУГ И БОРОЗДА

Всему начало — плуг и борозда,
Поскольку борозда под вешним небом
Имеет свойство обернуться хлебом,
Не забывай об этом никогда.

Всему начало — плуг и борозда,
Но без начала, ясно, нет конца,
Точнее, не конца, а продолженья,
Ну а точнее — нет движения
И, значит, завершенья нет.
Венца!

О, сколько раз мы -
Век сменяет век -
Успели утолить познания жажду
С тех пор, как сделал борозду однажды
И бросил зерна в землю человек!

Растут, бесчечно множась, города,
Луна людским становится причалом.
Начало остается все началом,
И суть его все та же — борозда.

Дмитрий Черепов

Я выйду в шорохи и тени.
От поздних звезд бледнеет сад,
Крыльца остывшие ступени
Босые ноги холодят.

Как нежно, трепетно и чисто
Росой мелькают лопухи.
Как отрешенно — серебристо
Ночь отпевают петухи.

Достану яблоко из кадки
И беззаботно рассмеюсь.
Ведь я сама еще загадка,
Загадок мира не боюсь.

Пусть деревенскими ночами
Как прост и ласков звездный свет,
И дышит бездна за плечами,
Которой и названья нет.

Анна Бобровиц

У лесного ручья дикий хмель.
Терпкий запах во влаге развит.
Паутина зеленых петель
По орешнику лезет в зенит.

Горький воздух упруг и звенит,
В нем сливается пение птиц,
И листва в отраженье зернит
Вся в дрожании солнечных спиц.

Шишки хмеля, как будто венком
Накрывают, и просится сон,
Что зеленым налит молоком,
Я шумящей водой окружен.

Анна Бобровиц

Перекопана, перерыта, вся истерзанная, вся избитая.
Затоптали все прошлое, бывшее,
Породили «светлое нынешнее».

Ослепленные бешеным светом,
Окрыленные грозным приветом;
А теперь страдаем и мучаемся,
Пытаемся жизнь найти лучшую.

Ищем в памяти остатки прошлого,
В море жизни, как дети брошенные.
Вспомнить нечего, ничего не осталось,
Лишь беспмятство в душу закралось.

Губим мир, вместе с ним и будущее,
Молотком большим и без божьей помощи,
А потом ищем то вечное, светлое,
В суете времен не приметное.

Как поставишь нам во главу жизни
Не плакат, не лозунг книжный,
Не вождя с громовым голосом,
Не бойца с кровавым колосом.

А Христа, за нас страдавшего,
Все законы души нам давшего.
Тот закон для всего извечного,
В прошлом нами, увы, изувеченный.

Вера Полякова

ЧИТАЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Он в бездну лет не угодил,
Он не исчез, как пыль в полете.
Он триумфально победил,
Он победил в конечном счете.
Но, прежде чем взлетел в зенит,
Он грязью черной был облит.
И в ожиданиях разуверен,
И обесславлен и разбит,
И показательно расстрелян,
И окончательно забыт.
Но пространство его полюбит,
И ощутит он в груди
Такое сочувствие к людям,
Как будто бы жизнь впереди.
И такое доверие к людям,
Как будто не кончилась власть
Наивных, но вечных иллюзий,
С которых душа началась.

Наталья Стадник

Созданный моей душой вымысел
Превращается в настоящее,
Человека в себе вырастила
Теперь пред иконой стоящего.

Научила словам нужным,
Рифмам, правильным выражениям,
Не подумала, что это будет
Всех законов былых свержения.

Говорили в толпе стоящие,
До безликости опротивевшие
Что змею на сердце пригрела я,
Смертным ядом душу травившую.

Но не слушала я людей умных,
Не внимала речам бездушным,
Верила в слова дитя родного,
Верила, жила и любила до гроба.

А теперь моей душой окрещенный
Он живет средь нас, простых.
Лик, с иконы обращенный, -
Это его лик.

Вера Полякова

Кругом луга, трава по пояс...
В сознание солнца луч вошел,
Ромашки кланяются в пояс -
Задумавшись здесь путник шел.

Но цель пути его не роща,
Что дремлет тихо за холмом.
И не ручей бегущий резво
Вслед за веселым ветерком.

Открылся взгляду храм старинный.
Разрушен, жалок он стоял...
А ведь когда-то богомольцев
Своим величьем покорял.

Все здесь во власти запустенья,
Из всех щелей трава растет.
Лишь кое-где, луч света робкий
Сгуститься мраку не дает.

Когда-то светлые иконы -
Черны, забытые во мгле.
Не теплятся пред ними свечи,
Сор и земля на алтаре...

И видит путник: кроткий ангел
Со светом в древний храм проник.
И посветлели и прозрели
Глаза незрячие святых.

И вновь тот гимн, что раньше пели
Звучит под сводом, глух и тих.
Треск свечек, пенье богомольцев,
Монашек кротких голоса.

И устремленные на лики
Надежды полные глаза.
И боль, и радости, и горе -
Все поверялося богам,

Но боже мой, и вы в забвеньи,
Как те, что гимны пели вам.
Набат звучит на мостовой,
То гибнет главный — Вечевой.

И обратились в черепки
Иконы, лики, образки...
Молю, чтоб вера возродилась!
И верю, что настанет час -
Глаза счастливые с надеждой
Увижу я и среди нас...

Анастасия Хлебнева

СЕРДЦА

Есть на свете сердца настоящие,
И годы им словно днесь.
Есть на свете сердца бурлящие:
Чудо такое — есть!
И в пыли не темнеют, ясные,
Забывают и ждут их вновь.
И в пыли они всех прекраснее,
И прекрасна их алая кровь.
Притяженья земного — свободные
И свободен земной их век.
Притяженью высшему сродные.
Думы их — белый снег.

Вячеслав Решетников

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 г.Москвы. Выпускница МГУ им.Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» ТВ Центр (Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г.Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка,25), в музее Экслибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Акварин» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В.Высоцкого, реж. Р.Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности -21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2011 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» (в школе №1269, 3-я Владимирская ул, 26а) получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования (№229).

Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Музей поддерживает постоянные контакты с Московским музеем современного искусства (Петровка, 25), в экспозиции которого находится большая коллекция картин Евгении Коваленко.

В планах музея — ежегодный выпуск Альманаха с лучшими творческими работами учеников школы №1269.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: (495) 305-70-20

<http://www.netslova.ru/kovalenko/>
<http://www.artinfo.ru>
<http://istoria.pochta.ru>
<http://dsd1269.ucoz.ru>

Евгения Коваленко. Эскизы из серии «Танец», 1999

Из жизни школы № 1269

